

ЕЛЕНА ИВАНОВА

Подпись

◆

ПОВЕСТЬ

Повесть о том,
какой ценой
мать спасает сына

Елена Иванова

**Подпись. Повесть о том, какой
ценой мать спасает сына.**

«Автор»

2026

Иванова Е.

Подпись. Повесть о том, какой ценой мать спасает сына. /
Е. Иванова — «Автор», 2026

Это история о том, сколько стоит материнская любовь. Сентябрь 1999 года. После взрывов жилых домов становится ясно: новая война неизбежна. У неё есть всего четыре года, чтобы спасти четырнадцатилетнего сына от призыва. Денег почти нет. Во Франции — ни родственников, ни друзей. Есть только давняя мечта, знание французского и отчаянная решимость сделать невозможное: отправить сына учиться за границу. Но для этого нужен тот, кто поручится за чужого ребёнка. Ради сына она начнёт всё сначала, и встретит двоих. Одного полюбит любовью всей своей жизни. Другой сможет поставить единственную подпись, от которой зависит судьба её ребёнка. Это повесть не о выборе между двумя мужчинами. Это история женщины, которой пришлось выбирать между собственным счастьем и жизнью сына. Иногда самая дорогая подпись ставится не на документах, а в собственном сердце. Тёплая, светлая и очень честная история, которую ещё долго не хочется закрывать.

© Иванова Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Иванова

Подпись. Повесть о том, какой ценой мать спасает сына.

ЕЛЕНА ИВАНОВА

ПОДПИСЬ

Повесть о том, какой ценой мать спасает сына

La porte se ferme doucement.

Поль. «Aéroport»

I

Сентябрь 1999-го начался со взрывов.

Сначала гремело далеко. По телевизору показывали Буйнакс в Дагестане, остатки от пятиэтажки, где жили семьи военных, обломки кирпичных стен и женщин в платках — без мужчин. Это было на краю страны, и сначала почти не страшно.

Потом взорвали ближе, в самой Москве на улице Гурьянова. Около полуночи грохнуло так, что содрогнулся весь квартал, и двух подъездов в многоквартирном доме не стало... А через несколько дней — снова Москва, Каширское шоссе. В тот день как раз власти объявили траур по первым погибшим на улице Гурьянова. И под этот траур террористы взорвали ещё один дом.

Страна перестала спать. По вечерам во дворах дежурили по очереди, светили фонарями в подвалы, переписывали чужие машины. Люди говорили только об одном, шептались: «опять эти чеченцы... опять война»

А шестнадцатого взорвали Волгодонск.

Это было уже совсем рядом с Ростовом, где она жила, в городе на Дону. Утром, без трёх минут шесть, взорвался грузовик у девятиэтажки на Октябрьском шоссе, и фасад осыпался, как песок.

В тот вечер она, замерев у телевизора, забыла про тряпку, оставшуюся на столе.

Дыра в доме сверху донизу, разрушен весь подъезд. Тела под белыми простынями на асфальте. Пыль ещё держалась в воздухе, оседала медленно, как мука. Диктор говорил о погибших, пропавших без вести, повторял четыре слова, и она слышала только их.

Контртеррористическая операция в Чечне неизбежна.

Сын в своей комнате сидел над уроками, склонялся над тетрадью, грыз колпачок ручки. Четырнадцать лет. Затылок ещё мальчишеский, с вихром.

Она посчитала: через четыре года ему — восемнадцать, и придёт повестка.

И впервые отчётливо поняла: когда он станет взрослым, война ещё не кончится.

Всё тело окатила холодная дрожь. Пульсировала мысль: не отдам, не пущу в мясорубку. Собравшись с мыслями, села за стол, придвинула к себе листок, где сын не дописал задачу. Перевернула его и на чистой стороне написала: «Только отъезд. Франция.»

Францией она болела с пятого класса школы. Тогда страна называлась гордо — СССР, но выезд из неё был для простых людей, как она, — невозможен. Листая учебник французского, она любовалась лёгким силуэтом Эйфелевой башни и мечтала о Франции, как мечтают о времени, большом и светлом, что никогда не наступит.

И вот теперь уже 8 лет нет СССР, и уехать во Францию стало можно, были бы деньги.

После её развода бабушка устроила её в небольшой ростовский банк. Зарплата была скромной, но стабильной. По вечерам она брала переводы с французского — сначала ради удовольствия, потом ради каждой лишней тысячи, копившейся на её поездку в Париж.

На кухне с сыном говорили поздно, когда за окном уже не ходили трамваи.

Она рассказала ему не про Францию, которую издали обожала. Говорила про выбор.

— Если ничего не начать делать, тебя призовут. — Голос ровный, она готовила его весь день. — Если уедешь — будешь там чужим. Там другой язык, ребята из разных стран. Один, без друзей, и все начинать сначала. Ты готов?

Он молчал долго. Она не торопила.

— А ты? — спросил наконец.

— Я останусь. Нужно заработать на жизнь и тебе и себе.

Он подумал ещё, и сказал внезапно охрипшим, незнакомым голосом.:

— Давай попробуем.

В ту минуту он перестал быть ребёнком. Ей показалось, — она это услышала в хрипотце его голоса. Как будто что-то тихо закрылось.

Утром, собираясь в школу после летних каникул, он внезапно обнаружил, пытаясь натянуть кроссовки: пятка в них не помещалась.

— Малы, — сказал он удивлённо, будто кроссовки были в этом виноваты.

Она посмотрела на его ногу. За лето он вырос: нога стала длинной, костлявой, почти чужой.

«За год ещё вытянется, — подумала она машинально. — Надо новые, на размер больше».

А следом, без перехода, пришла другая мысль, холодная: через четыре года, если ничего не делать, ему выдадут другую обувь. Кирзовую. И тоже, наверное, не по размеру.

Она отвернулась, чтобы он не увидел её наворачнувшихся на глаза слез.

Искала интернат, и нашла его в сети под вечер, в картинках на медленном мерцающем мониторе.

Фотографии: лазурное море, плоские пальмы, белые одноэтажные корпуса, подростки, загорающие на траве — смеются, запрокинув головы. Под фотографиями — условия приёма. Centre International de Valbonne.

Она с юности читала по-французски легко.

Глаза бежали по строчкам условий приёма и наткнулись: «Обязательно наличие гаранта, проживающего во Франции и готового нести ответственность за несовершеннолетнего.»

Она перечитала три раза, не веря себе. Потом ещё раз — будто слова могли смениться.

Нужен гарант. Поручитель во Франции. Тот, которого у неё не было.

Она положила голову на стол, рядом с тёплым гудящим монитором. Неужели не сможет?

Во дворе мальчишки играли в войну.

Она слышала через форточку: «Ты убит! — Не убит, ты промахнулся!» Кто-то падал в листья, кто-то строчил из палки. Обычная игра, в которую играли всегда, сколько она себя помнила.

Сын потянулся за курткой.

— Не ходи, — сказала она.

Он остановился, не понимая.

— Почему?

Она не знала почему. Просто не могла смотреть, как он будет падать в листья, держась за живот, и смеяться. Сказать это было нельзя.

— Сначала сделай уроки, — сказала она. — Потом выйдешь.

Он пожал плечами и остался. А она ещё долго слышала со двора чужую перестрелку и чужое счастливое «убит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.